

**Выступление Президента Федеративной Республики
Германия Франка-Вальтера Штайнмайера
на торжественном мероприятии по случаю 75
годовщины начала Нюрнбергских процессов
Нюрнберг, 20 ноября 2020 г.**

Уважаемые дамы и господа, и, прежде всего, уважаемый Бенджамин Ференц. Хотя мы и не можем сегодня поговорить с Вами лично и поблагодарить Вас, все же для нас большое счастье знать, что Вы рядом с нами. Вашей мудрости и настойчивости многим обязана наша страна, обязана Европа, обязан весь мир. Благодарю Вас за Ваши слова, за Ваш труд и Ваши усилия, за Ваше стремление, на протяжении всей жизни нацеленное на то, чтобы сделать наш несовершенный мир лучше.

Бенджамин Ференц наверняка помнит те события: 75 лет тому назад это помещение было одним из немногих залов суда в Германии, не разрушенных в ходе войны. Он когда-то был самым большим залом суда в Баварии. И все же он кажется недостаточно большим для того, что должно было произойти здесь 75 лет тому назад.

В ноябре 1945 г. Нюрнберг был пустырем, заваленным грудями обломков. Многие города Германии лежали в руинах. Морально и материально наша страна была уничтожена до самого основания. Под нагромождением вины и разрушений уже давно было погребено и правосудие.

Однако здесь, в этом зале, было суждено разместиться международному уголовному трибуналу. Здесь суждено было заново создать право. В то время как на улицах перед зданием суда люди разбирали руины, четыре державы, одержавшие победу во Второй мировой войне, в этом зале закладывали фундамент нового мирового правопорядка.

Мир был вынужден прийти к новому порядку. То, что старый порядок был утрачен навсегда, здесь в зале № 600 было ощутимо точно так же, как за стенами нюрнбергского Дворца правосудия.

Это касалось и международного права. Ни один институт не оказался готовым к преступлениям такого масштаба, как их совершили национал-социалисты.

О многих местах, где были совершены эти преступления, 75 лет тому назад еще никто не знал.

Конечно, знали об Освенциме, Бухенвальде, Терезиенштадте, Заксенхаузене, Дахау и многих других. Но некоторые из них я тоже увидел лишь несколько лет назад: Панярай в Литве, Малый Тростенец в Беларуси, Велюнь в Польше. Это места, где происходили немыслимые ужасы, места, ставшие символами воли уничтожать, воли истреблять, символами самого преступного образа ведения войны.

Даже главные ответственные за чудовищные преступления - 75 лет спустя от их показаний до сих пор в жилах стынет кровь, - даже они ссылались в этом зале на ненаказуемость своих деяний. *Nullum crimen sine lege. Nulla poena sine lege.*

По этому поводу Бенджамин Ференц однажды сказал, что никогда не принимал данный аргумент, так как никто не мог убедить его в том, что считает правомерным убийство ребенка, чью голову разбивают о дерево.

Безнаказанность не могла быть ответом на преступления такого масштаба.

В этом зале 75 лет тому назад на скамье подсудимых сидел 21 человек: главные представители нацистского режима. Они были авторами планов, закулисными вдохновителями и главными действующими лицами нацистской тирании. Они держали в своих руках бразды правления и отдавали приказы. Теперь они должны были понести ответственность. Нюрнберг стал местом, где они предстали перед судом. Лондонский устав создал правовые основы для процесса. В Нюрнберге впервые высшее руководство государства обвинялось в самых тяжких преступлениях, до тех пор известных в мировой истории: развязывание агрессивной войны, военные преступления и преступления против человечности.

Лондонский устав создал правовые основы процесса и привел к двойному обновлению международного права. Новизна заключалась не в запрете военных преступлений или истязания военнопленных, террора против гражданского населения, а также других тяжких нарушений международного гуманитарного права. Все эти нормы уже вошли в международное обычное право после принятия Женевской конвенции 1864 г., Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и последующих конвенций, принятых после Первой мировой войны.

С 1928 г. под международно-правовым запретом, действовавшим с момента подписания Пакта Бриана-Келлога,

находились также и подготовка и ведение агрессивной войны. Однако ответственность за нарушения международного права до тех пор возлагалась только на государство, во имя которого они совершались. Новизна Лондонского устава заключалась в уголовной ответственности отдельных лиц, виновных в совершении тяжких преступлений, и новым было появление возможности их уголовного преследования. Новым также стал состав преступления «Преступления против человечности», 75 лет назад впервые вмененный в ходе Нюрнбергского процесса.

«И теперь на скамье подсудимых сидят война, погром, похищение людей, массовые убийства и пытки», писал Эрих Кестнер, присутствовавший на открытии процесса здесь, в Нюрнберге, в качестве корреспондента газеты «Нойе Цайтунг».

И действительно: изначально ответственность в Нюрнберге должны были понести заказчики совершенных зверств, те, кто командовал ими и финансировал их, высокопоставленные чиновники, министры, военачальники. Затем в ходе 12 судебных процессов, последовавших за первым Нюрнбергским процессом, были привлечены к ответственности непосредственные участники преступлений – военные и эсэсовцы, а также врачи и юристы.

Идея, лежавшая в основе Нюрнбергских процессов, открывала новую эру: «Нарушения международного права совершают люди, а не абстрактные единицы», справедливо констатировали судьи. Члены правительств и высокопоставленные чиновники больше не могли уклоняться от ответственности за свои преступные приказы, прикрываясь международно-правовым иммунитетом, а исполнители не могли ссылаться на вынужденное выполнение противоправных приказов.

Фактически это означало, что право встает против власти, ограничивая вопиющее злоупотребление ею. Так были заложены основы универсального международного уголовного права и международной уголовной юрисдикции, и в конечном итоге, основы международного порядка, опирающегося на право и законность. Кроме того, это стало основой принципа универсальной юрисдикции, согласно которому военные преступления и тяжкие преступления против человечности не должны оставаться безнаказанными, где бы они ни совершались.

Главный процесс над военными преступниками в Нюрнберге стал революцией. Он не только вошел в историю права, но и в мировую историю.

В мировую историю он вошел и потому, что союзники договорились совместно вести процесс. В отношениях между Америкой, Великобританией, Францией и Советским Союзом после общего празднования победы довольно быстро последовало

разочарование. Тем не менее, Нюрнбергский процесс был проведен совместно. Он наметил контуры другой, новой истории: создания системы международной уголовной юрисдикции.

Она возникла многим позже, уже после окончания холодной войны, и на ее пути было много трудностей и неудач. И все же она стала большим прорывом. Без главного процесса над военными преступниками в Нюрнберге сегодня не существовало бы Международного уголовного суда в Гааге.

В Германии союзники в Нюрнберге открыли путь к национальному правовому осмыслению истории нацистского режима. Однако преступление против человечества, которым был холокост, дошло до судов Германии лишь с многолетним опозданием, когда в 1958 году состоялся процесс над айнзацгруппами в Ульме и процессы над преступниками Освенцима, начатые в 1963 году во Франкфурте. Без настойчивости таких людей, как Фриц Бауэр, и его немногочисленных соратников эти процессы, наверное, не состоялись бы. Однако Нюрнберг стал предпосылкой этого первого процесса над преступниками Освенцима.

Что мы знали бы о преступлениях национал-социалистов без собранных для Нюрнбергского процесса доказательств? Что мы знали бы о преступниках и их жертвах без материалов и документов администрации нацистского государства, без собранных обвинителями в Нюрнберге фото- и видеоматериалов, запечатлевших горы трупов в концлагерях?

Нюрнберг, город имперских партийных съездов и расовых законов, для немцев стал зеркалом. На глазах у мирового сообщества Нюрнберг поставил их перед фактом, что сам национал-социализм, включая его методы ведения войны, был преступлением. Процесс и приговор не оставили возможности оправдания, они требовали покаяния. Но на тот момент оно давалось немцам с трудом.

Процесс осознания – в том числе за пределами Германии – был долгим. Утвержденный в Нюрнберге новый принцип наказуемости тяжких нарушений норм международного права стал общепринятым лишь спустя очень долгое время. Идея на постоянной основе сохранить здесь Международный трибунал в качестве некоего форпоста Организации Объединенных Наций ждала своей реализации в далеком будущем. До того момента, когда дух Нюрнберга воплотился и привел к созданию Международного уголовного суда, прошло несколько десятилетий. Только после жестокой войны в Югославии постепенно сформировалась воля создать международное учреждение, которое карало бы за преступления, нарушающие нормы международного

права. Время после падения железного занавеса в Европе было временем оптимистического интернационализма.

Однако на протяжении прошедших двух десятилетий мы вновь вынуждены констатировать, что надежда на дальнейший переход международных отношений в правовую плоскость остается нереализованной. Старые и новые державы вступали и вступают в конкурентную борьбу друг с другом. Обязательные для соблюдения нормы, действующие во всем мире, воспринимаются ими как ограничение собственной власти. Международная уголовная юрисдикция все чаще оспаривается и у нас в Европе. США и Россия не присоединились к Международному уголовному суду, как не присоединились к нему Китай, Индия и десятки других государств.

США внесли существенный вклад в создание Международного военного трибунала в Нюрнберге, и американские эксперты по международному праву были соавторами идеи создания Международного уголовного суда. Тем не менее, США при действующем в настоящий момент правительстве скорее активно противодействовали работе суда в Гааге.

И все же я верю в то, что страна, десятилетиями дружественно сопровождающая нашу страну на пути к демократии и верховенству права, возобновит сотрудничество, в рамках которого будет признана ценность международной уголовной юрисдикции. Я надеюсь, что Международный уголовный суд своими действиями сможет укрепить доверие к его беспристрастности и международно-правовой неподкупности: беспристрастности, необходимой для того, чтобы убедить скептиков.

Главный обвинитель от США в Нюрнберге Роберт Джексон 75 лет тому назад замечательно сформулировал цель на будущее: «Мы никогда не должны забывать, что по тем же критериям, по которым мы сегодня судим подсудимых, история завтра будет судить нас».

Я знаю, что особенно на фоне сложных мирных переговоров возбуждение Международным уголовным судом дел против глав государств не всегда считается целесообразным. Уголовные процессы могут ограничивать политическую свободу действий в контексте переговоров. Создаваемое ими давление может осложнить уход от власти диктаторов. Как исключить применение уголовного права в качестве оружия против политических противников, если мы хотим подготовить почву для политического диалога? Данным вопросом задаются многие посредники во внутренних конфликтах по всему миру. Он сыграл свою роль, например, при отмене апартеида в Южной Африке и в контексте мирных переговоров в Колумбии. Международная уголовная юрисдикция неминуемо действует в зоне, где вступают в конфликт правовые аспекты и политические интересы.

И все же: Нюрнберг стал прорывом на пути к укреплению роли права в сфере международных отношений. Но международная уголовная юрисдикция неоднократно демонстрировала, насколько сложно добиться большей справедливости в мире посредством нормативных принципов.

Международный уголовный суд так и не смог оправдать многих далеко идущих надежд. Но сам факт спорного отношения к Гаагскому суду в некоторой степени показывает его действенность, показывает боязнь беспощадных автократов понести справедливое наказание.

При всем ее несовершенстве и всех ее недостатках международная уголовная юрисдикция оправдала себя. Начало этому 75 лет назад положила воля ответить на невиданный произвол властей при помощи правовых инструментов. Сегодня Международный уголовный суд прочно вошел в список признанных институтов. Не карать крайне тяжкие преступления было бы фатально – этот посыл Нюрнберга не остался без последствий.

Без Нюрнберга военачальники из Сербии, Хорватии или Руанды не понесли бы наказание за массовые убийства, пытки и изнасилования, а геноцид не считался бы преступлением.

Без Нюрнберга не существовало бы принципа универсальной юрисдикции. Национальные суды не могли бы осуществлять преследование за преступления, нарушающие нормы международного права, так как у них не было бы в руках инструментов для преследования двух сотрудников сирийской службы разведки, бежавших в Германию и представших перед судом в Кобленце за преступления против человечности, совершенные ими в своей стране.

Без Нюрнберга было бы меньше оснований надеяться на справедливость, в том числе и для жертв: для Луизы и Далал – двух девушек, которых, как и многих других езидок, похитили и изнасиловали боевики Исламского государства. Эти девушки получили убежище в Германии, где им помогают преодолеть пережитую травму. Они приняли участие в съемках документального фильма «Рабыни Исламского государства» британского юриста Филипа Сэндса и режиссера Дэвида Эванса. Я рад, что сегодня Филип Сэндс с нами здесь, в Нюрнберге.

Далал и Луиза надеются на то, что когда-нибудь преступники предстанут перед Международным уголовным судом. Они надеются на то, что их обращение в суд не останется без последствий, так как цель подобных процессов заключается не только в осуждении преступников. Важно, чтобы жертвы могли дать показания о совершенных против них преступлениях, чтобы эти зверства были зафиксированы и вошли в состав дела. Важно выявить правду.

Ведь никто не может отступить от правды. Она остается – наследием, задачей и испытанием.

Таковой цели следовал Нюрнберг.

Уголовная юрисдикция в конечном счете всегда является лишь одной из составляющих ответа. Преступления, нарушающие нормы международного права – это разрыв в ткани цивилизации. Если они не караются, страдает не только право: наносится ущерб всему человечеству. Цель должна заключаться в восстановлении нарушенного права во имя самого человечества. В конфликте с властью право должно одерживать верх. Оно не всегда способно преодолеть власть, однако оно может ограничить ее.

Иными словами: не только баланс сил между крупными игроками, но и укрепление роли права в сфере международных отношений закладывает фундамент наднационального порядка, в котором нуждается весь мир – и будет остро нуждаться и впредь.

Таков завет Нюрнберга. Мы, немцы, в особой мере призваны хранить и защищать его.